

— Пожалуй, хватит, — Кевин вдруг повернулся и покосился на Освальда. Заметив его замешательство, он просто выхватил у него из рук полотенце. — Оттираешь несчастную каплю крови с такой скоростью, что, пока ты закончишь, уже рассветет.

Он привычно съязвил, после чего в два шага обошел Освальда со спины, слегка пнул его под колени и кивнул на дверь:

— Можешь идти.

Получив легкий пинок под голень, Освальд наконец пришел в себя. Поддавшись толчку, он сделал пару шагов вперед, оглянувшись на Кевина и лениво произнес:

— Использовал и выбросил. А вы совсем не церемонитесь, господин Фассбиндер.

Кевин подошел к тазу, снова намочил полотенце и, ловко стирая въевшуюся грязь и кровь с груди и боков, приподнял веки:

— Я всегда таким был. Будто ты первый день меня знаешь.

Освальд фыркнул:

— Я знал, что ты порядочная сволочь, но не думал, что настолько.

— Проваливай, — раздраженно бросил Кевин и, не ограничившись этим, схватил подвернувшуюся под руку вещь и швырнул ее к двери, словно какой-то мусор. Сделав это, он даже не взглянул, попал ли в благородный затылок Его Величества Императора, и преспокойно продолжил вытираться.

В тот момент, когда Освальд выходил за порог, брошенный Кевином предмет со свистом пролетел у самого его лица и упал на пол чуть впереди. Прикрыв за собой дверь, Освальд сделал пару шагов и подобрал эту штуковину. Лицо Императора тут же позеленело от злости: это был сапог.

Через пару секунд из-за двери донесся яростный крик Императора:

— Кидаться в меня сапогами?! Ты жить надоело?!

В тот день господин Кевин Фассбиндер вел себя крайне вызывающе, однако на следующее утро его спесь как рукой сняло. Проснувшись после ночного сна, он обнаружил, что его руки — похожие на жуткие, оскалившиеся белые кости когти — окончательно потеряли чувствительность и перестали подчиняться.

Он не мог даже опереться на постель, чтобы сесть: костлявые руки безжизненно плетями свисали вдоль тела.

Кевин лишь молча вздохнул.

К счастью, с тех пор как его заперли здесь, Его Величество Император завел привычку навещать к нему трижды в день, строго по расписанию приемов пищи. Из-за этого Кевину порой казалось, что он живет не в спальне, а в каком-то зале для перекулички.

Даже петухи не отличались такой точностью.

И потому ранним утром, когда Освальд распахнул дверь и вошел в комнату, парализованный

Кевин мигом позабыл о ночных тревогах. Он на редкость дружелюбно кивнул вошедшему:

— Доброе утро, Ваше Величество.

Освальд поначалу не заметил ничего странного. Облокотившись о косяк и скрестив руки на груди, он усмехнулся:

— Впервые в жизни вижу, чтобы со мной здоровались лежа.

Кевин закатил глаза:

— Ну вот, теперь увидел.

— И долго ты собираешься валяться? Завтрак уже готов, его сейчас принесут, — спросил Освальд.

Кевин вздохнул:

— Помоги мне кое в чем.

То, что он сам попросил о помощи, было из ряда вон выходящим событием. Освальд удивленно приподнял брови:

— И о чем же? Выкладывай.

— Похоже, я не могу подняться. Не чувствую рук. Помоги мне сесть, — ответил Кевин.

Освальд молча уставился на него.

Замешательство длилось лишь мгновение. Он тут же выпрямился, стремительно подошел к кровати и, наклонившись, принялся разглядывать обтянутые кожей кости пальцев Кевина:

— Что значит «не чувствую»?

— Ночью не двигался, вот они и заржавели, — нашел Кевин весьма логичное объяснение. — Кончай болтать, помоги подняться.

На этот раз Освальд язвить не стал. Нахмурившись, он придержал Кевина за плечи и помог ему сесть в постели.

— Всё-всё, прислони меня к изголовью. Всё остальное у меня в порядке, — проговорил Кевин.

— Подальше поясницу вперед, — скомандовал Освальд, подкладывая Кевину под спину валик, чтобы тот сидел удобнее.

— Ваше Величество, завтрак для господина командующего готов, — негромко доложил из-за двери слуга.

Освальд не стал впускать слугу. Он сам забрал поднос с едой и поставил его на прикроватную тумбочку.

Кевин молча посмотрел на еду.

Освальд посмотрел на него в ответ.

Некоторое время они молча разглядывали друг друга. Наконец уголки губ Освальда поползли вверх, и он с довольным видом произнес:

— Что ж, похоже, господин командующий не в состоянии справиться сам.

Кевин тоскливо перевел взгляд на ломящийся от яств поднос, затем покосился на Освальда. На лице этого негодяя отчетливо читалось злорадство. Очевидно, паршивцу доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие видеть, как другие просят о пощаде.

— Тебе повезло, что в детстве я не брал с тебя пример и не вырос законченным мерзавцем, — небрежно бросил Освальд. — Иначе я непременно поднес бы ложку к твоему рту и сказал: «Хочешь есть? Умоляй».

Кевин нахмурился:

— Ты совсем из ума выжил?

Вряд ли во всем мире нашелся бы еще хоть один человек, который умудрялся бы так дерзить, завися от чужой помощи. Даже Император невольно подивился его наглости.

Освальд в душе посмеивался, но сохранял напускную суровость. С видом величайшего одолжения он принялся ложка за ложкой кормить Кевина.

Тот, кого обслуживали, ничуть не смущался и преспокойно командовал:

— Креветочный бульон, два глотка.

— А теперь сладкую ягоду.

— Кусочек ржаного хлеба.

— Это не буду.

Освальд уставился на два листа пулана, наколотые на серебряную вилку:

— Ты столько лет прожил на свете, а до сих пор капризничаешь за столом. Не стыдно?

Кевин искренне изумился:

— И какая связь между моим возрастом и нежеланием есть эту гадость?

— Давай рассуждать здраво: листья пулана полезны для крови. Тебе нужно съесть побольше.

Кевин презрительно фыркнул:

— У меня на руках даже кожа еще не выросла. Только кровь прибудет — сразу же выльется наружу через раны. Ты дурак, что ли?

— Что за нелепая логика? — Глядя на него, Освальд чувствовал, что сыт по горло одной лишь злостью.

Как бы то ни было, великий и прекрасный бывший Бог Света, а ныне командующий питал к листьям пулана непреодолимое отвращение.

— Вкус этой дряни, — пояснил он, — вечно напоминает мне о зеленых личинках, что гнездятся в самой глубине почвы Густого леса Андоха.

Освальд потерял дар речи.

После подобных откровений аппетит у него пропал окончательно. Он понял, что сегодня вполне обойдется без завтрака.

— Что-то вы бледны, Ваше Величество. Может, сами подкрепитесь? — лениво протянул Кевин, нарываясь на грубость.

«И по чьей же, черт возьми, вине я так выгляжу?!» — Освальд сердито сверкнул глазами, а затем с позеленевшим лицом запихнул в рот те самые листья пулана, которые уже успели заветриться.

— И еще, будь добр, избавь меня от тех двух плодов шиба, что лежат на рыбном филе, — беззастенчиво добавил Кевин. — А саму рыбу наколи мне на вилку.

Освальд лишь шумно вздохнул.

К концу завтрака всё, от чего отказался Кевин, оказалось в желудке Освальда. В итоге лишенный аппетита Император, наслушавшись историй о зеленых гусеницах и летающих пауках-брызгунах, с набитым травой и фруктами животом мрачно удалился.

Перед уходом ему пришлось самолично убрать за господином Кевином поднос и даже перевернуть для него страницу книги.

Кевин переносил временную немощь спокойно. Как говаривал он сам: «Какими бы жуткими ни казались раны, рано или поздно они заживут. Не о чем беспокоиться».

Пока он лежал без движения, Император изошрялся как мог, подмешивая в еду всевозможные целебные снадобья для восстановления крови, плоти и костей. Уговорами, хитростью и угрозами он заталкивал ложку за ложкой в рот раненого, а остатки послушно доедал сам. Трудов это стоило немалых.

Однако усилия принесли плоды: лицо Кевина за эти дни заметно порозовело, а спустя трое суток на его иссушенных руках наконец начала медленно нарастать молодая плоть.

За эти короткие три дня перемены произошли и в других местах.

В Стране Северного Нефрита из-за указа Сапира о закрытии границ воцарился полный хаос. Пока свирепствовала странная болезнь окаменения, невесть откуда поползли слухи, почерпнутые из запретных гримуаров: поговаривали, будто младенческая кровь — чистейшая субстанция в мире — способна исцелить от этого жуткого недуга.

Распространение подобных слухов грозило обернуться катастрофой, к тому же безумный Сапир, загнанный в угол, мог пойти на самые крайние меры. Королевству Золотого Льва, граничившему со Страной Северного Нефрита и давно враждовавшему с Сапиром, не оставалось ничего другого, кроме как готовиться к худшему.